

Вопреки моим опасениям, ночной полет оказался не так страшен, как мне представлялось - сказалось наличие города, не позволявшего разгуляться пронзительным зимним ветрам. Сделав судорожный рывок в черное небо, я успокоился только тогда, когда освещенное фонарями здание больницы пропало за стеной медленно падающего снега, и под моими крыльями пронесли первые крыши домов. Понивилльский госпиталь стоял несколько на отшибе от остальных домов, и я не опасался возможной погони. Вряд ли у них есть на меня что-то, что может повлечь за собой необходимость «ловить и не пущать» строптивную пациентку. «Действительно, что это я психанул и сорвался неведомо куда, ночью, без одежды, да еще и из-под носа самой правительницы этой страны?» - рассуждал я, ежась на холоде и наматывая круг за кругом вокруг городка, с надеждой поглядывая вниз – «Может, стоит вернуться? А что я им скажу?». Сказать мне было действительно нечего, но и перспектива провести ночь в воздухе, голышом, меня абсолютно не прельщала. Снег валил все гуще, оседая на маховых перьях тонкой изморозью и превращая их в плохо гнущуюся жуть. Сделав очередной круг, я понял, что с таким аккомпанементом можно было и не лететь обратно в больницу – меня запросто можно будет отыскать по громкому «фьють – фьють – фьють» обледеневших крыльев. Наконец, устав, я присел на ветку какого-то огромного дуба, росшего на окраине Понивилля, и, нахохлившись, принялся отогревать ноги, поочередно пытаюсь растереть их заледеневшими копытами. Получалось это из ног вон плохо, хотя возня и акробатические упражнения в стиле «усиди на ветке, зажав под мышками задние ноги» придали мне своеобразной бодрости, а жителям дерева – забавный квест «угадай, кто там, темной ночью, шумит за окном?». Странно, но обитателям пришлось не по вкусу моя возня, и на находившемся подо мной балкончике появилось странное двуногое существо с забавным гребешком на голове. Широко зевая, оно пошарило лапами по перилам, а затем – запустило в меня снежком. Попадание было стопроцентным – увесистый комок снега четко вклепился мне прямо под хвост, который я, вместе с задницей, свесил с противоположной стороны ветки исключительно для поддержания равновесия. Однако сей вынужденный эксгибиционизм был жестоко, и совсем несправедливо покаран. Взвизгнув, я пулей сорвался с ветки, но окоченевшие крылья двигались слишком медленно, и следующей моей остановкой стал большой и довольно холодный сугроб в основании дерева. Падение вкупе с вырвавшимся у меня визгом разбудило и остальных обитателей этого древесного дома – вынырнув из сугроба, я увидел, как окна странного дома осветились, и изнутри раздался чей-то заспанный голосок. Нужно было срочно делать крылья, но уйти неотомщенным было выше моих сил. Собрав как можно больше снега, я метнулся к закрывающейся балконной двери и одним мощным движением запустил сплывшую в моих копытах кучу прямо в сужающуюся полосу света.

«Я твой дуб балкон шатал!» - проорал я, удаляясь от дерева. Позади себя я слышал хлопанье окон и дверей – видимо, обитатели всполошились не на шутку, и я мог их понять – не каждую ночь в твоё окно влетает небольшой сугроб. Вскоре снежная завеса скрыла от меня и этот странный дом. Чувствуя, что вновь начинаю замерзать, я принялся энергично работать крыльями, концентрическими окружностями облетая городок. Наконец, мои усилия были вознаграждены, и под одним из деревьев, стоявших возле городской площади, я обнаружил наш фургон.

Покрутившись вокруг него и не заметив чего-либо подозрительного (например, армии стражников в засаде) я, наконец, приземлился на толстую ветку, проходящую над крышей фургона. На этот раз, я устраивался гораздо основательнее, тщательно следя, чтобы наиболее уязвимые части тела были недоступны «вражескому обстрелу». Густая крона дерева, укутанная шапками снега, хорошо защищала меня от усилившегося снегопада, создавая ощущение огромной беседки, из которой я мог невозбранно любоваться на подсвеченную одинокими фонарями стену снега. Свет в домике был погашен, только старая керосиновая лампа, висящая над столом, мягко подмигивала мне из окошка крошечным ночником. Видимо, Бабуля спала, и я не собирался вламываться в дом только потому, что поддавшись панике, улизнул от «первой леди» страны. Хотя... «Моллестия» жеж... Большие крылья, расправленные на спине, давали какое-никакое а тепло, и я вновь погрузился в раздумья.

Что же происходило со мной? Вновь получив возможность полноценно соображать, я попытался прислушаться к своим ощущениям и, странное дело, страх от мысли о шизофрении больше не терзал меня, как в первые дни моего появления в этом мире. Снег был холодным и скрипучим, крылья – большими и мягкими, а попа постепенно замерзала от сидения на заснеженном дереве. Ощущения были слишком реальными, и я с каким-то облегчением решил поверить и принять как данность то, что это происходит со мной на самом деле. «А то, что ты попал в выдуманный, известный тебе мир – тебя не смущает?» - тихо прозвенел в голове внутренний голос. Прикрыв глаза, я позволил тонкому ручейку страха вновь проникнуть в свое сознание... а затем решительно выкинул его из головы. «Да хрен бы с ним!». Я поднял копыто и лизнул налипший на него снег. Ощущения были вполне реальными. «Мне нравится этот «выдуманный» мир и я приму его, как новую реальность. Тем более что и повод у нас уже имеется...». Я подумал о разобранным амулете, вместе с бумагами хранившемся в моей сумке, под кроватью Деда. Я не разбираю ее с того самого дня, как повстречал стариков, и, в сложившихся обстоятельствах, лучшего места для ее хранения у меня не было. Черный порошок высыпался из нее еще в момент открытия, поэтому, решил я, последующие встречи с неведомым были вызваны чьими-то магическими кознями, а не фактом наличия у меня самой коробки.

Хлопнув крыльями, чтобы согреться, я только усилил свой озноб – распахнувшись на мгновение, они позволили холоду ледяными иголочками впиться в мои бока. Вздрогнув, я плотнее укутался в перьевые простыни, максимально раздвинув маховые перья, так, чтобы они могли укрыть и спину, словно гусарская пелерина. Я чувствовал, что мне начинает нравиться мое новое тело. Молодое, сильное, не лишенное своеобразного обаяния в виде редкой раскраски и непослушных крыльев, оно было прекрасной заменой моему постаревшему организму. «Да, хорош бы я был, очутившись тут в своем старом теле!» - усмехнулся я, вспомнив, с какой одышкой в последнее время я стал взбегать на пятый этаж. Правда, в руках у меня обычно находились рабочий ящик, кардиограф и еще что-нибудь нужное в хозяйстве (например, кислородный баллон)... Но все это меркло перед одним – теперь, я мог летать. Конечно, я понимал, что делаю это слишком «механически», подражая птицам, в то время как в этом мире, если верить Бабуле, даже простые земнопони обладают своей собственной магией. Я дал себе зарок на будущее –

устроив свою жизнь, я непременно найду учителя-пегаса, и наконец, научусь летать «по-настоящему».

Снегопад закончился и тучи, прилежно засыпавшие город пушистым снегом, постепенно растворялись в ночном небе. Видимо, запланированный пегасами снегопад наконец закончился, и завтра нас ожидало солнечное зимнее утро. «<i>Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...</i>» пробормотал я, разглядывая ночной городок. Снег, искрившийся в свете фонарей, казался настолько мягким, что мне приходилось бороться с нарастающим желанием с размаху бухнуться в самый большой сугроб, и спать, спать, спать... Засунув коченеющие копыта под мышки, я стал бороться со сном, разглядывая отдаленные профили гор, освещенные встающей из-за них луной.

Это ли, а может, простая удача, позволили мне заметить их приближение. Сначала, это были просто точки, медленно двигавшиеся над горами на фоне встающей луны. Спустя десяток минут, они превратились в группу пегасов, с поразительной скоростью направлявшихся в Понивилль. Быстро взмахивая крыльями, они, словно акулы, стремительными движениями ныряли в облака, чтобы неожиданно выскочить из них в совершенно другом месте, даже не заботясь о поддержании хоть какого-то подобия построения. Но глядя на их перемещения, я заметил, что их движения были очень далеки от произвольных. Сближаясь и отдаляясь друг от друга, каждый из них был прикрыт по крайней мере одним из своих товарищей, выныривавшим из облака неподалеку. Я замер, завороженный этой грацией ночных хищников, прослеживавшейся в каждом их движении. Куда там до них было прямолинейным воякам Кантерлота, ровный, геометрический строй которых я несколько раз наблюдал в вышине над полями Хуффингстона – передо мной пронеслись подлинные охотники ночных небес.

Приблизившись к Понивиллю, пятерка пегасов пронеслась над площадью в сторону госпиталя, но очень скоро вернулась и рассыпалась по городу, исчезнув в тенях домов. Периодически выныривая на свет фонарей, они неслышно носились по городу, словно... «Да они же меня разыскивают! Мать-перемать!» - осторожным движением я переместился ближе к стволу, надеясь, что в этот момент никто из пятерки не летит в сторону моего дерева. Прижавшись к холодному стволу, я пристально вглядывался в лежащие на площади тени, искренне надеясь, что поисковой партии не придет в голову обыскивать кроны каждого стоявшего в городке дерева...

Не пришло. Пометавшись по городу, молчаливые пегасы так же неслышно поднялись в воздух, и полетели куда-то на юг. Все, кроме одного. Прилетевший последним, самый мелкий из них настойчиво продолжал поиски, заглядывая в окна домов и распахивая тенты павильонов на городской площади. Судя по всему, этот гаденыш был гораздо умнее своих товарищей – почувствовал бесполезность своих метаний, он направился напрямик к домику на колесах. Неслышно спланировав к нему, пегас постучался, а затем и вошел в дом, впущенный проснувшейся Бабулей. Заинтересовавшись, я подполз чуть ближе и стал внимательно следить за окнами фургона.

Спустя какое-то время, я услышал приглушенный вскрик.

Словно выпущенный из пращи камень, я несколькими яростными взмахами крыльев бросился к дому. Опять дверь, и вскрик, и не выдержавшие нервы – все это было до боли

знакомо, словно много раз перечитанная книга. Под напором моего плеча незапертая дверь распахнулась, и, кувыряясь, я влетел в фургончик. На долю секунды, я увидел фигуру в темных доспехах, стоявшую рядом с Бабулей, опрокинутый стул... После чего времени на осмотр у меня не осталось – на полном ходу, я врезался в застывшую в недоумении фигуру.

Удар грудью пришелся точно в круп стоявшего в полутьме пони, отбросив его от бабули в угол, на привинченную к полу печку. Мне повезло больше – кувырнувшись в последний раз, я почувствовал, что лежу на полу, упершись спиной в тяжелый сундук, стоявший возле стены. Из угла с печкой послышался стон и невнятное причитание, вкупе с запахом паленой шерсти известившее меня, что мой отчаянный рывок сработал, и враг был временно выведен из строя. Подобравшись, я вскочил на все четыре ноги и, сморщившись от стрельнувшей в шее боли, подбежал к Бабуле. Старую пони отбросило от нас на кровать, где она и осталась сидеть, прижав копыта к груди. Судя по внешнему виду, она не пострадала, отделавшись легким испугом, поэтому я молча обнял ее, одним ухом слушая возню в углу. Старушка довольно быстро пришла в себя и крепко, порывисто обняла меня, прижав мою голову к груди. «Ну вот, опять обнимашки...» - улыбнувшись, подумал я.

- «Скраппи, милая! Зачем же ты так влетела?» - пролепетала Бабуля. Крепко взяв мою голову копытами, она пристально посмотрела мне в глаза и понизила голос – «Будь здесь и не выходи на улицу! Тебя ищут...».

- «Да я уже догадалась. Они прилетали в госпиталь, поэтому-то я и здесь, а не там» - сказал я, покосившись на шебаршащуюся в углу фигуру – «Не волнуйся. Я просто хотела узнать, чего это им понадобилось от наших скромных персон?».

- «Прошу, будь осторожна! Не задирай их – это очень серьезные пони!».

- «Бабуля, я – сама осторожность!».

Послав ей самый убедительный взгляд из своего репертуара, я осторожно подошел к углу, в котором продолжал возиться незванный гость.

При ближайшем рассмотрении, этим «гостем» оказался пони, хотя и довольно странного вида. В неверном свете керосиновой лампы я отметил волосатые кисточки на ушах и абсолютно голые крылья, своим видом напоминающие крылья летучей мыши. На абсолютно серой, без единого пятнышка шкурке, яркими огоньками горели два желтых, с вертикальными зрачками, глаза. Лежа на спине, он сердито сверлил меня своими необычными глазами, периодически пытаюсь выбраться из-под горячей печи. Но даже сложив свои кожистые крылья, он не смог бы сделать это без посторонней помощи – вычурные, словно диковинный ночной цветок, доспехи погнулись, плотно пришили его к полу и печи. Схватив зубами низкую скамейку, использующуюся пони вместо стульев, я аккуратно поставил ее на валявшегося под печкой незнакомца, плотно зафиксировав ножками его шею и передние ноги. С облегченным вздохом, я забрался на импровизированную дыбу, и приблизив свою мордочку вплотную к пришельцу, заглянул в него необычные глаза.

- «Ну что – поговорим?».

К моему глубокому сожалению, разговора у нас не вышло – стоило мне только открыть

рот для первого вопроса, как дверь, уже и так порядком расшатанная моим бесцеремонным вторжением, с грохотом распахнулась вновь. Через порог, словно в каком-то фильме ужасов, входило четыре темные фигуры с желтыми змеиными глазами, ярко светившимися на их мордах. «Картина Репина «Не ждали» - в лицах!» - раздосадовано подумал я. Путь для отступления у меня не было, да и не стал бы я бросать Бабулю наедине с пятеркой этих «понифациев». Быстро вскочив, я подхватил копытом вторую скамейку и загородил сидевшую на кровати Бабулю от окруживших нас пони. От сине-фиолетовых доспехов с вычурными, скрепленными на груди наплечниками, рябило в глазах, пока входившие пегасы окружали меня. Главарем пятерки был мощный, прямо-таки героических размеров пегас с позолоченным, еще более вычурным, чем у его подчиненных, шлемом, украшенным не красным гребешком. Не особо церемонясь, он одним движением крупа отодвинул в сторону стол, стоявший посередине домика и, пройдя мимо меня, подошел к печи.

- «Так так так... И что же тут у нас?» - произнес он низким, ворчащим голосом – «Что, гастат*, опять влип?». Застраивший благодаря моим усилиям пегас вновь попытался выбраться из-под печи, и наконец, вдохновленный ободряющим пинком, пробкой выскочил на середину комнаты.

- «Я виноват, кентурион**! Но кто же знал, что оно...» - поднимаясь, он сердито посмотрел в мою сторону и не заметил очередного пинка, которым от всей души наградил его командир.

- «А кто должен был знать? Похоже, тебе крупно повезло, что ты еще здесь, а не где-нибудь в сугробе, расчлененный на сотню кусков...» - голос кентуриона стал опасно ласковым, и провинившийся пегас опустил голову, по-видимому, признавая собственную вину. Хотя взгляды, которые он бросал при этом на меня, были далеки от удрученных. Да плевать!

- «А что же до тебя...» - пророкотал кентурион, поворачиваясь и подходя ко мне – «С тобой мы только поговорим. Ничего больше, клянусь луной!». Похоже, что скамейка, по-прежнему зажатая в моей ноге, его ничуть не беспокоила, и, немного расслабившись после его высокопарного заявления, я опустил ее и присел рядом с кроватью, по-прежнему закрывая Бабулю своей спиной. Однако бойкая старушка не собиралась оставаться простым наблюдателем и немного придя в себя, ринулась в бой.

- «Вот уж не знала, что теперь Ночная Стража врывается в жилища простых пони, словно бандиты какие!» - сердито выпалила она, поднимаясь с кровати и становясь перед пришельцами – «Объяснитесь-ка, молодые пони! Что вам нужно от нас?».

- «Лично от вас, миссис Лиф Беррислоп, нам ничего не нужно. Как и от вашего мужа, если вы понимаете, о чем я говорю. А вот с вашей новообъявившейся «дочерью» мне предстоит долгая беседа...».

- «Ни о чем вы не будете с ней беседовать! Мне достаточно тех гадостей, которые начал говорить про Скарппи этот невоспитанный пегас, ворвавшийся ко мне в домик! Уверю вас, если бы мой Санни был сейчас здесь, то он бы... <i></i>

- «То он бы не стал держать на пороге своих <i>братьев</i>, миссис Беррислоп!» - несколько раздраженно буркнул кентурион. Видимо, его стали утомлять эти пустопорожные пререкания – «Вы знаете, <i>зачем</i> мы пришли!».

- «Да, знаю, и не верю ни единому слову! Мой Дед рассказывал мне про... *Про вас!*» - Я знаю, *о чем* вы хотите говорить с ней, и скажу вам прямо – я не верю в это!» - старушка отступила ко мне и обхватила копытами, словно в попытке защитить от опасности, исходящей от этих пегасов.

Пререкания Бабули дали мне время собраться с мыслями. Похоже, открывался один из секретов этого мира, и, каким-то образом, связан он был именно со мной. Я вспомнил призыв Деда во время нашей первой встречи, связал воедино все намеки и недомолвки, которыми обменивались в разговоре Бабуля и пегас...

- «Похоже, я начинаю догадываться, *зачем* вы пришли» - проговорил я, мягко отстраняя от себя Бабулю, и подходя к столу – «Но все же, предпочту услышать это от вас».

- «Молодец, девочка!» - пророкотал кентурион, так же подходя и присаживаясь за стол – «Или мне лучше называть тебя «дух»?». Я услышал, как где-то сзади судорожно вздохнула Бабуля.

- «*Называй* меня котенок, *называй* меня слоненок...» А что, через меня стены просвечивают, что ты решил меня записать в привидения?» - заинтересованно улыбнулся я, устало опуская голову на стол.

- «Не играй в опасные игры...» - начал было кентурион, но в тот же момент осекся. Внезапно почувствовав в груди нарастающее бешенство, я вскочил, расправив крылья и резко хлопнув ими, словно огромными ладонями. Эффект превзошел любые ожидания. Пегасов, стоявших рядом со мной по обе стороны стола, просто унесло в сторону двери, где они и сложились живописной кучей, а кентуриону пришлось вцепиться не только ногами, но и ртом в столешницу, что бы не присоединиться к своим подчиненным. Зарывав, я отшвырнул в сторону стол и одним движением встал вплотную к не успевшему подняться со скамейки пегасу, глядя ему в глаза.

- «Игры? Так для вас это всего лишь *игры*?» - от внезапно нахлынувшей ярости я уже не говорил а ревел в морду ошарашенного пегаса. Не знаю, были ли он по-настоящему испуган, но расширившиеся глаза и раздувающиеся ноздри явно говорили о том, что он уже успел мысленно отложить пару кирпичей для собственного склепа - «Значит, некромантия для вас – всего лишь игра?! Вызов душ из прошлого – игра?! Пожирание этих душ – тоже развлекалочка?!».

- «Что ты такое говоришь?» - придя в себя, рывкнул кентурион. Он вскочил с табуретки, грудью оттолкнув меня назад и расправив крылья, вставая в горделивую позу – «Мы – подлинники защитники Эквестрии, дух! И наш орден уже тысячу лет служит нашей Госпоже на благо Эквестрии! А то, что ты говоришь – мерзость!».

- «Мерзость? Мерзость – это честно делать свое дело, что бы в конце быть убитым, а потом очнуться в другом мире!» - прорычал я – «В мире, где говорящие пони пожирают *души* из прошлого, что бы укрепить себя!» Мерзость – это травля, которую разворачивают стероидные мутанты в доспехах за душами, которые не успели сожрать!». Я чувствовал, что за моей спиной разверзается какая-то бездна, обдавая меня своим холодным дыханием, но мне было абсолютно все равно. Окружавшие меня пони – стражники, кентурион, Бабуля – все замерли, словно оглушенные моим криком. Но и на это мне было наплевать. Резким движением я подскочил к комоду, на котором обычно

лежало полотенце с вымытыми столовыми приборами, и выхватил из него большой хлебный нож. Обернувшись, я резко бросил его под ноги кентуриону, вздрогнувшему от звона стали.

- «Вот! Держи! Закончи то, что начали до тебя!» - подойдя к нему, я демонстративно откинул голову назад, чувствуя, как туманится взгляд и по щекам начинают скатываться горячие капли – «Думаю, *эта* душа тебя *ahrenenno* усилит! Кушай, не обляпайся!».

«*Vlyad*, да что это за эмо-порыв такой? Похоже, мочевой пузырь придавил кому-то матку, как говорила одна моя знакомая...». Додумать эту увлекательную мысль мне не дала Бабуля – подскочив ко мне, она настойчиво и в то же время нежно оттеснила меня крупом к кровати, где обняла меня и стала тихо нашептывать что-то успокаивающее, позволив всласть зарыдать на своем плече.

«Истерика. Обосри меня карась – настоящая истерика! Вроде бы соображаю все – а сделать *nihrena* не могу! Вот это даааааа...».

- «Так значит, Госпожа была права, и мы нашли того, кого искали» - наконец, мрачно пророкотал кентурион, аккуратно отодвигая валяющийся на полу нож и подходя к кровати. Через мгновение, я почувствовал, что кто-то присел за моей спиной и обнял меня, присоединившись к бабуле. Легкий запах мяты коснулся моих ноздрей, а гриву защекотало чье-то дыхание.

- «Малина...» - тихо произнес голос над ухом. Кажется, это был тот гастат, которого я загнал под печку – «кентурион, а от нее малиной пахнет...»

*Гастат – новобранец или неопытный воин.

*Кентурион – командующий сотней.